

Гермиона не сказала ни слова. Она просто подняла бедра и ушла, молча выбежав из общей комнаты, что заставило Рона бормотать и заикаться, размышляя, как это все продолжить. Он попытался окликнуть её: "Я не хотел...", когда она уходила, но крики только привлекли внимание. Рон обратился за советом к Гарри и сказал гораздо тише: "Я не это имел в виду".

Гарри посмотрел Рону в глаза. Он мог сказать, что Рон говорит правду, но это мало чем помогло. "Я пойду проверю ее", - сказал он. "Просто оставь пока игру здесь, хорошо?" Он поднялся со своего места и направился к лестнице в погоне за Гермионой, быстрее пробираясь сквозь толпу людей. Его новый размер очень помог ему; Гарри теперь выглядел более внушительно, и люди были готовы убраться с его пути, когда его стремительные шаги несли его прочь. Никому не нужно было становиться на пути такого человека, как он, и у него было пространство, чтобы освободить его, пока он преследовал Гермиону.

К счастью, он нашел Гермиону всего в одном лестничном пролете, сидящую у комнат общежития первого курса, с сумкой для книг у ног и фолиантом, который она крепко прижимала к себе, покачиваясь и раскачиваясь. Она не плакала, но явный дискомфорт и сомнения, которые она испытывала, были очевидны: Гермионе было больно от этого, и она не знала, как это пережить. Сначала она даже не подняла глаз на Гарри; она была просто растеряна, зажата, неуверенна и жалела, что не знает, как ответить Рону.

Гарри сначала ничего не сказал. Он просто молча сел рядом с ней, предоставив ей самой проявить инициативу, чтобы что-то сказать или сделать шаг. Сидение рядом с ней имело явный смысл: он оставил Рона, чтобы проверить, как она, и больше заботился о том, всё ли с ней в порядке, чем о продолжении своей шахматной партии, в некотором роде поддерживая её, а не Рона. Это помогло, и голова Гермионы прислонилась к его плечу, когда она испустила дрожащий, неуверенный вздох. "Гарри..."

"Рону не следовало этого говорить", - сказал Гарри. Он позволил руке скользнуть вокруг ее плеч. Это был дружеский жест. Твердый. Один из заверений, не думая о том, как Гермиона внезапно прижалась к его сильному телу, и хочет ли она этого; он был самоотверженно и бездумно сосредоточен на том, чтобы она чувствовала себя лучше. "По многим причинам, конечно, но я могу вспомнить одну очень важную, и я думаю, что именно ее стоит озвучить".

Гермиона замолчала на мгновение. Просто прислонилась к нему. Гарри был теплым. Она не чувствовала внезапной вспышки переменчивых эмоций и смущения. Просто спокойствие. Тепло. Заботу друга, который всегда был рядом, чтобы помочь ей. "По какой причине?" - наконец спросила она. Она хотела знать, веря в его силу, что он поможет ей почувствовать себя лучше.

"То, что ты самая яркая. Самая умная. Не просто ведьма; никто другой не может сравниться с тобой, Гермиона. Ты гениальна, и твоя гениальность спасала нас столько раз, что я не знаю, как их сосчитать. Быть такой книжной - это не плохо. Заботиться о своем будущем - это не скучно. Это то, что делает тебя удивительным, и то, что заставляет меня так сильно тебя обожать. Рон говорил вещи, которые не должен был говорить, но ты не должна позволять этому задевать тебя, потому что те вещи, которые он оскорблял, являются причиной..."

Непреодолимые эмоции привели Гермиону в состояние, к которому она была плохо готова, и она ответила на них, набросившись на Гарри. Ее руки схватили его голову и повернули ее к себе, она прижалась губами к его губам, побуждаемая чем-то резким и головокружительным. Он продолжал заставлять ее чувствовать то, к чему она не привыкла, и толкал ее туда, где ей приходилось узнавать о себе удивительные и туманные вещи. Но теперь, с готовностью, она целовала Гарри, даря ему тщательные, отчаянные, голодные радости, которые удовлетворяли потребность, горящую внутри нее. Здесь не было никакой сдержанности, и она была счастлива от этого.

Гарри не ожидал этого поцелуя, но он полюбил его. Его руки тоже легли на ее руки, когда он прильнул к ней. Как бы спонтанно это ни было, он не мог притвориться, что это не было удивительным, что то, что его губы встретились с ее губами, не было странным совершенством. Им обоим стало легче, Гермионе от радости его ласки и доброты от осознания того, что он действительно заботится о ней, а Гарри от осознания того, что он может помочь Гермионе после того, что сказал Рон. Это длилось столько, сколько Гермиона хотела, и когда она отстранилась, то почувствовала себя неуклюжей и шаткой.

"Мне извиниться?" - спросила она, прежде чем сделать первый вдох.

"Что? Нет." Гарри покачал головой. "Зачем тебе извиняться? Ты не сделала ничего плохого, Гермиона, я... Я очень рад, что ты это сделала". Это происходило. Он нервно вздохнул, и Гарри понял, что все это может пойти только одним путем. "Ты удивительная, и я имел в виду каждое слово, и то, что я собирался сказать до этого - то, что он оскорбил - это то, почему я люблю тебя".

"Ты был?"

"Помнишь, я говорил, что не хочу терять людей, которые мне дороги? Так вот, частично я не хочу скрывать правду о том, что я чувствую. Я хотел подождать до школы, чтобы сказать об этом, но Гермиона, я много думал о своих чувствах к тебе, и я думаю о тебе больше, чем о друге".

Обычно Гермиона знала, что сказать. Здесь же она была взволнованной, дрожащей от неожиданности и замешательства, и единственным выходом было прижаться к Гарри и снова утонуть в поцелуях. Она терялась в словах, ничего не понимая, зная только, что испытывает радость от встречи с его губами, и что пока у нее есть это, все остальное не имеет значения. У Гермионы были свои приоритеты и твердая ориентация, и она знала путь вперед. Она ясно видела и понимала этот процесс, лежащий перед ней.

"Я тоже тебя люблю", - наконец сказала она. Сказать это было приятно. Освобождение. Она крепче прижалась к Гарри, понимая, что идет по пути, который тем более интересен, что она может открыто выразить это, и ей хотелось еще больше. "И твои слова мне очень помогли. Приятно знать, что кто-то любит меня за мои мозги. Иногда мне кажется, что люди просто завидуют или считают меня глупой за то, что я забочусь о таких вещах. Но сейчас ты действительно помогаешь мне".

Пальцы Гарри переплелись с ее пальцами, и он крепко прижал ее к себе. "Я буду рад, сколько раз тебе нужно, чтобы я это сказал. И все остальное, что ты хочешь услышать, тоже".

"Например?" спросила Гермиона. Теперь она дрожала. Тело Гарри успокаивало и согревало, а его мощная грудь была идеальна для того, чтобы прислониться к ней, принять как нечто совершенное и твердое.

"Например, что я люблю свою девушку, Гермиону Грейнджер, и что я горжусь тем, что встречаюсь с самой яркой студенткой Хогвартса".

<http://erolate.com/book/2890/69253>